

**Н. В.
УСПЕНСКИЙ**

Николай Васильевич Успенский

Работница

«В одно утро доложили приказчику, что пришла баба, Аксинья, наниматься в работницы. Аксинья была вдова. Все считали ее за глупую, тем не менее по всему околотку было известно, что у приказчика была работа трудная, что от него сбегало в год по крайней мере семь работниц...»

**Николай Васильевич
Успенский
Работница**

В одно утро доложили приказчику, что пришла баба, Аксинья, наниматься в работницы. Аксинья была вдова. Все считали ее за глупую, тем не менее по всему околотку было известно, что у приказчика была работа трудная, что от него сбегало в год по крайней мере семь работниц. Приказчик и его жена, сознаваясь в этом, давно желали нанять себе известную своею способностью к черной работе и железным терпением Аксинью. Надобно заметить, что всякий, кто только нанимал ее в работницы, старался ей дать не более пяти рублей в год и доказать, что для нее гораздо лучше получить когда-нибудь от хозяина серьги или кусок мыла, нежели гнаться за денежной платой. Аксинья сидела в кухне; подле ее стоял ее маленький разутый сын Петька. Аксинья была обута в одни онучи.

В кухню вошел приказчик с женою и четырьмя своими дочерьми – от двенадцати до восемнадцати лет.

– Здравствуй, Аксинья! – заговорила приказчица, – как ты себе, девушка, поживаешь?

Приказчица была женщина опытная, и потому она сама взялась нанимать бабу, сказав

прежде мужу, у которого был вспыльчивый характер, чтоб он не вмешивался в ее разговор.

– Живу помаленьку, – сказала Акси́нья.

– Мальчик-то твой?

– Мой...

– Ничего, – проговорила приказчица, – вырастет – помогать будет... Алёна!.. поди принеси ему гостинчика...

Одна из дочерей приказчика полезла к себе в карман за подсолнечниками.

– Ну, что же, Акси́нья?.. наймись к нам в работницы, – начала приказчица.

– С чего же... без работы миновать нельзя, – сказала Акси́нья...

– Нельзя... нельзя, моя милая, – без работы никак нельзя... даром хлеба не добудешь...

– Правда, – вздохнувши, сказала Акси́нья, – не добудешь; ноне, поди-ко, хлеб-то какой...

После долгих увещаний приказчица выгодно наняла Акси́нью и собрала ей поесть.

– Баба сносная! – говорил приказчик, пришедши с женою в горницу, – нам такую и надо; только тем нехороша: часто ворчит и ругается.

– Ничего! лишь бы работала, – возразила приказчица.

Действительно, Аксинья любила ворчать. Всю свою жизнь претерпевая оскорбления, нужды, невыносимые работы, она привыкла употреблять слова: «Святочный, пострел, тряс тебя убей» и пр. Но эти ругательства никогда почти не относились к людям, а всегда к животным, с которыми она постоянно имела дело, или к неодушевленным предметам, например к корыту и т. д. Больше всего она любила говорить с животными.

– Что ты думаешь об себе? – например, кричала она на корову в закуте, – или ты барыня?

Прошло более недели с тех пор, как нанялась Аксинья.

Было раннее осеннее утро. На дворе стадо цыплят с писком рвалось в сени, в которых спала теща приказчика, Ермолаевна. Она поправила на своей голове повойник и впустила к себе цыплят, которые вскоре принялись завтракать, шныряя под ее ногами; Ермолаевна пришла в избу, позевала и, глядя на печь,

сказала:

– Акси́нья! Анто́н!.. пора вставать. На печке слышался голос:

– Госпо́ди Иису́се Христе!..

Часов в восемь шел сильный дождь. В кухне приказчика топилась печь; громыхали дрова, трещала лучина, дым от самовара наполнял всю кухню.

Приказчица, ее мать и дочери, работник с работницей – все были в хлопотах.

– Что ты стоишь? – говорила хозяйка дочери, вооружившись ухватом, – поди скорее, неси муку... Алена! постой, возьми ключ да захвати круп.

– Бабушка!.. – кричала в сенях одна из девиц, – подите возьмите нож да поскоблите баранью голову.

– Сколько я говорю, не бросайте на пол тряпиц, – продолжала приказчица, – что за неряхи?.. Анто́н! отсеки кость! Ма́ша! позови мне Акси́нью да скажи, чтобы накормила цыплят.

– Анто́н!.. – говорит Ермолаевна, – беги к земчихе, попроси у ней жаровню... скорей!..

– Анто́н!.. – кричит из сеней сам приказ-

чик.

– Цып, цып, цып, – раздаётся голос в сених.

– Аксинья! вынимай чугунок с кипятком... возьми тряпку... да что ты делаешь?.. Саша!.. пооди сюда!

– Самовар ушел!.. – кричит кто-то.

– Выгоньте цыплят-то: в печку залетят...

Шше! провал вас возьми... Шше, шше...

Приказчик стоит с трубкой в зубах среди сеней и кричит:

– У меня никогда порядку нет: сколько одров держу, а покоя не вижу. Аксюха!.. аль ты угорела, – свиней пускаешь в сени?.. ты еще в избу загони. Ваше дело только лопать!..

– Аксинья! принеси дров... да ступай замеси свиньям.

– Анна Дементьевна! жаровни нету, сами, говорит, нуждаемся.

– Выгоньте собаку! прочь! святочный тебя уколоти!

– Чух! – раздаётся голос на дворе, – улё, улё! ах провал вас расстреляй!

– Аксинья! отдели ты коров в сени, да одну кормную свинью.

Аксинья с палкой в руках зовет в сени ко-

ров; на дворе стоит топь страшная и раздаётся бляение овец и визг свиней.

– Куда? куда? – кричит Аксинья, замахиваясь палкой на свиней, – куда вас буревая несёт?

В это время в сени врываются овцы, свиньи, коровы и даже лошади.

– Прочь пошли! Про-о-о-чь! чу-у-ш!

Работница начинает бить палкой кого ни попало и выгоняет всю скотину.

– Алена! да вели Аксинье поманить коров-то хлебом, а свиней бить палкой.

Аксинья стоит на дворе по колени в навозе, оглушенная визгом и ревом животных.

– Аксинья!

– Аксинья! помани коров-то...

– Улё! идолы! чушь! про-очь, святочные!

Стадо свиней поддевает Аксинью, и она падает в грязь и кричит, отмахиваясь палкой:

– Прочь, караул!

– Плачу деньги, хлебом кормлю, а толку нет, – продолжал приказчик, – каждый божий день шум, гам, словно ярмарка или торговая баня: ни в одном доме того нет; у людей делается все тихо, скромно... а у нас друг друга с

ног собьют.

– Антон! поди хоть ты вынеси самовар.

В избе жара невыносимая, все бегают с потными и красными лицами.

– Алена! Анна! – кричит хозяйка, – подавайте капусту, чайельник принеси... будет вам огрызаться-то! посмотрю я, ничего в вас нету рассудочка: говорю, помои вынеси на двор, она ша-аст на пол. Клади пирог на лопату!

– Ощипали, что ль, поросенка-то?

– Анна Дементьевна! работнице свиньи поняву разорвали.

– Петька! – кричит приказчик, – говорю, трубку набей, а он галку по полу волочит на веревке. Да что это такое? целый час жду самовара – никак не дождусь: я вижу, мне одно остается: завязать глаза да бежать отсюда.

– Антон! принеси дров еще.

– Марья!

– Аксинья! поди вынь горшок с кашей... Матушки! а картофель-то я забыла.

– Неси картофель!

– Выгоньте, говорю, собаку-то! – кричит приказчик, – что за народ! чистое столпотво-

рение...

– Антон! отсеки голову другой курице... да ощипали, что ль, поросенка-то?

– Господи!

В это самое время зазвенел колокольчик и к крыльцу подъехал тарантас.

– Анна Дементьевна! гости какие-то приехали, – объявил работник.

– Батюшки! – вскрикнула приказчица, – это шиловские господа! Марья! Алена! Саша!.. принесите мне платье.

Все взапуски принялись бегать из сеней в кухню, из кухни в горницу и обратно. Поднялась *такая* суматоха, что шиловские господа не рады были, что приехали.

На другой день после описанной сцены Аксинья в разорванной поняве и грязном платке шла по полю с своим разутым мальчиком, у которого развевались на голове волосы и пустые рукава рубахи трепетали за спиной.

Ветер был сильный, осенний... дождевые облака неслись по небу.

– Черт тут не жил, – говорила Аксинья, – на месте не посидишь... свиньи все ноги изгрызли... словно вертел какой заведен... Пойду к

кumu Андрону, что будет не будет... не возьмет ли из хлеба?

– Мама! – проговорил ребенок.

– Что? – грозно вскрикнула Аксинья, – что там?

– Я есть хочу.

– О-о-о! святочный тебя...

Аксинья дала сыну подзатыльник, отдернула его вперед и вскрикнула:

– Иди!.. аль ты угорел? у-у!.. родимец! мать твоя терпит... аль ты взаправду господин какой!

Аксинья шла и все толковала про свою жизнь, время от времени утирая рукавом ка-тившиеся от ветру слезы...